

Французская история литературы XVIII в.

жизнь же Мелуаровъ, и себя самого, выведенного на подмостки неизбывными ему начинающимися драма, зургомъ Тёре.

Подробный рассказ Томарше о впечатлении, нанесен, номъ изъ этого спектакля, былъ впервые приведенъ Бердье, геймомъ въ 1820 г. въ журналъ „Die Gegenwart“. Томарше рьятельно отрицалъ заману Тёре и былъ раздраженъ взорженіемъ въ свою личную жизнь. Но еще до Тёме Марселсе скропалъ изъ мадридскаго эпизода пьесу „Beau, machais à Madrid“, козорад исполнема была въ при-, сужевіи самого сатирика у принца Конзи. — Благо, даръ большой популярности Томарше въ Россіи въ фн., лосифскомъ (XVIII) вѣкъ, пьеса Тёре „Clavido“ была ра-, но переведена и дана на Московскомъ публичномъ театръ.¹⁾

III. Периодъ зворскаго совершенства,

или периодъ, гдѣ позуъ на апогее своего зворсства.

Въ этотъ периодъ лучшій озорникъ Ларакьера То- марше беруе верхъ; после сурасевій оудившисе въ Пармони, среди оживленной литературной брани, въ атмосфере театра, музыки, отъ снова веселье, позуе, согмидеуе купледе и березед за свой канцальтвей зрѣдѣ, за своего зрилогію, Фригаро, и Вырадозареу мало- на малу ед зри газеи, какъ-то: „Севилскій Циркельникъ“, „Свадьба Фригаро“ и „Виновная мауэ“. Отъ презде всео березед за первыя двѣ газеи зрилогіи, какъ должно озабв.

1) Напечатана в зорыиъ истрави. изд. въ Петербургѣ 1720г. — Вліяніе Лессинговой- Лессинговской. Эмиліи Талозуи на Clavido Тёре прослѣжено Дан. Якоби въ срадеи „Zu Clavido“ въ Goethe Jahrbuch, У золь, 1824, стр. 323 и слѣд. Милоходомъ оно-бѣ, но указано еще Тервинеуею.

ленный в сторону ради химерической будущности
 политика и задержанный во время процесса Бэрн-
 мана. Передь нами затеря какъ будто другой Бомар-
ше; нельзя больше ни ^{разговаривать} болтать, ни политического соци-
ологическаго; нельзя замысливать осужденный, смыло фран-
цузский франко, наученный опытомъ, во все из-
 вѣрившійся, надо всѣмъ смиреннѣе и оубѣгающій
 на вопросъ Агмабидова, кто внушилъ ему такую
 веселую философію: „l'habitude du malheur.“ (при-
 вычка къ несчастію).

Полоса губернелности, взрѣвая въ первомъ
 періодѣ, скоро прошла у нашего абдера, тотъ про-
мелкнудъ еще милосерднѣе лишь на склонѣ его
 жизни, въ 4-омъ, последнемъ періодѣ его литератур-
ной дѣятельности. Неудача второй, серьезной драмы
 („два друга“) напомнила ему, что это не его цѣль,
 и заставила вернуться къ орломентному на время
плану, „Севильскаго Цирюльника“ (Barbier de Sevilla).
 Путь открывался проспектъ для юмора и капризовъ фран-
цуз; словно въ театрахъ арабскаго озривали нѣкоторые
профили, плутовскіе глазки, закутанная плащомъ
фигура, пальцы, серенады — все, что такъ поразило вообра-
женіе Бомарше даже среди мадридскихъ дѣрево. И
 оубо дрядь обычной финансовой дѣятельности, къ кото-
 рой онъ вернулся, годъ оубо году догадывая, онъ умѣлъ

переносился въ дни молодости и старался возродить
 свободное, невозбранное въ насущное въ своей опере,
 гдѣ и слова, и музыка принадлежали ему. За слогъ,
 келья соизмеромъ Бомарше не знался; содержаніе со,
 сдѣвилось по газетамъ, и онъ бралъ ихъ озобсоду: изъ
 ирландской опермедіи, изъ опережки Панаира „le comte
 de Belloc“, комедіи Седэна, даше изъ Шиль-Блаза Лес-
 сасиа. Но сквозь ^{дѣла, разраженіе} побрякушки условнаго костюма Севильс,
 екаго брадобрея слишкомъ часо проглядываеуь смѣлое
 лицо зого, кзо еще выше его по гнбкости уха, — ^{чине}
 позому, что онъ его самого выдумалъ, что онъ ^{самъ} Бо,
 марше, зворецъ Фигаро. Межати Фигаро высказываеуь
 самъ авзоръ.

Такое значеніе придано было Фигаро въ Севильскомъ Севильскій
Циркельникъ и никогда не раздалось съ нимъ. Въ Циркельникъ
 бкзро надросанной біографіи Фигаро за 70 время, кол,
 да они не видались съ ^{графомъ} Алмавиной (актъ I, 2), носро,
 анно идущъ личныя, иногда непереводимые намеки:
 Фигаро попробовалъ заидрся въ Мадридъ мифраду,
 рото, но всего нафертился и оуь бранды писателей мади,
 ду собото, и оуь уколоуь насть-коныхъ, мушакъ, кома,
ровъ (cousins), фризиковъ, злыхъ москидовъ (matinon,
ins), цензуровъ, и всего воодше, что привязываеуь
 къ козюкъ несчастныхъ писателей. Позомъ, убоудив,
 шисъ, что „заработокъ оуь бризвы гораздо выгоднѣе,

1) Зо - намекъ на Дэрролля, le grand cousin, какъ его часо называли
 въ процессѣ.
 2) Зо - указаніе на Марэма.
 3) Онъ же зоуь дие бранъ.

7-ть мѣ отъ пера, отъ утвердилъ въ философское сужденіе,
 сужіе по обвиненіи Касуллиана, Дуррерадуръ и т. д.; въ
 одной городъ его принимали ласково, въ другой
 бросали въ тюрьму, 2) го хвалили его, го предавали по
 зору (l'oné par сѣх сі, vláтѣ par сѣх-la). Но всѣ
 эти озлобки недавняго прошлаго усугубяють, по
 значенію, римской личности Базилио, сложившей
 ся подъ вліяніемъ этого прошлаго и олицетворив-
 шей злобницею накало, которое едва не сгубило са-
 фирика (Томарше), — и духа клеветы и интриги, нѣ,
 когда съюмъ поущесрвенный во французскомъ обще-
 ствѣ и спосодивей снужъ человека со свѣду, 3) что
 его изурнали въ особиль франкара, зогно болѣзней
 бѣга, и обрушивали на него даже богословскія
 обвиненія. 3)

Пережитое переносилось басуро въ комедію; выводы
 разсѣяны намеки на судьбу Томарше или обидѣн
 мысли, невольно вызываемыя ею. Фригаро радуется,
 что вельможна, опредѣливший его на мѣсто, забавль
 о немъ, — значный человекъ уже зѣль дѣлаеь намъ
 добро, что не заговарѣе прозвѣ насъ зла (акт I, сц. 2);
 если непременно нузино, чтобы бѣднѣй человекъ
 былъ добродѣтелемъ, — спрашиваеь онъ, — го много ли
 найдется вельможъ, досройныхъ бѣрь лакеями? 4)
 Сравниль одиь, онъ утѣшаеь себя зѣль, что Базилио

1) Это — свѣдѣе воспоминаніе объ арестѣ въ Анжъ или о дѣлахъ
 проведенныхъ въ Fox l'Évêque.

2) Какъ это было въ Мокероль.

3) Ср. напр. Traité de la calomnie, des calomnieux et des calomniés,
 par le R. P. Nicolas Collin, P. 1787.

слишком низко поставленъ, и потому его клеветы
 никто не подвернул (актъ II, 9): вѣдь нужно имѣть
высокое положеніе, знатный родъ, санъ, вліяніе, что,
бы поддѣлывающа на свѣтъ клевету." Уголоски сполк,
 новенія съ лаблашемъ губерваторя въ каждомъ изъ
этихъ словъ, но и борьба съ Турцианомъ и его наперс,
 никакимъ не менше живо отражается въ (этой) комедіи.

Съ клеветой, съ эмиль многоголовнымъ чудовищемъ,
 которое во всю жизнь преслѣдовало Томарше, боролся
 отъ юности въ Севиллскомъ цирюльничествѣ - въ первой части
 трилогии, Правда, въ Базиліо еще смягченіи краски;
 теорія искусства распространена лишь вложена въ уста
головѣнку продажному, падкому на подарки отъ кого
 бы то ни было; въ сценѣ, гдѣ его выпробовываютъ
и соблазняютъ полетается, отъ скамовицъ советамъ снѣ-
монь. Но прошли годы, и въ последней части трило-
 гии (Пресудная мать, "La mère coupable") отъ искупилъ
мѣсто жестокому и безсердечному Шарюффу.

Томарше едва удалось отъ искусства вывести на
 сцену и Турциана. Это озабочили отъ явного указа,
нія на личности. Пришлось подознать, въ "Свадьба
Фигаро" отъ роме фолько нѣсколько портывился своему
 месту. Но если въ явномъ указаніяхъ на личности
 его иногда ослабляла осторожность, отъ советамъ

не стеснялся колкими намеками общего характера, подходившими к массе современных явлений. Барзоло выпадает на долю Бюзе выразительное ронофа сфрой паррзи, недовольной духом времени; отъ посто-льно бранишь XVIII вѣкъ: „да и что произвелъ отъ такого, за что его счюило бы хвалить? — Тупосери во вѣсѣхъ родаль: свободу мысли, законъ прирѣжностей, электрисерво, вѣрозертиковсѣ, прививку оспы, живини, энциклопедію, драмѣ... Въ другія минуты его уоѣ, ми говорить старое барсѣво: „Справедливосѣ! Для вѣсѣ, китоситнѣхъ людиксѣ, это еще куда-нидудъ годисѣ. Но я — вѣсѣ господинѣ и всегда бываю правѣ“, — обѣяснѣетъ отъ слугамѣ. „Срочѣ голбоко позволитъ вѣсѣхъ эрмиѣ мелодѣямъ Бюзе когда-нидудъ правѣми, и зогда поско-рмиѣ, во что превратисѣ влѣсѣ“. Пододисѣхъ вѣсѣхъ и оскроутиѣхъ замѣчаний въ пѣсѣ досадожно.

Правда, Фигаро оубедитъ слишкомъ секретной уголокѣ, гдѣ понапрасну приходится разракивать по мелочамъ геніалонку находчивосѣ; послѣ безплодныхъ скисзаний по свѣзѣ отъ прильпился къ ^{графу} вѣсѣхъ и его сѣмѣ, ведѣтъ борбду съ незамисловатыми прозивниками, съ какимъ-нидудѣ Барзоло, дономѣ Базиліо, Марсѣ, милой, наконецѣ со салимѣ графомѣ. Но, советнѣхъ какъ, какъ будѣо каидвѣи широкѣй размахѣ энергій Томарше озражѣетъ здѣсѣ въ уменьшѣющѣмъ зоркамѣ.

Этого характеръ всецѣло принадлежитъ Бомарше.

Это не ^{не только} позомошь ^{и не только} происрливихъ слухъ римской и новой
ирангянской комедии, не Молсеровскій Стамаралъ или
наскарнилъ съ нхъ плутовазой философіей, не лициникъ
Фромузъ, хотя принадлежитъ къ одной съ ними группѣ.¹⁾
Фигаро, являющийся главнымъ героемъ пьесы, хитрый
и зоркий предсавитель буржуазии, въ личности котораго
отразилась вся зрѣволенія Бомарше, въ уста котораго
отъ вложилъ содервенный муисервенный прозевъ
прозивъ ведкой ведкой общесрвенной неправды. Ал.
Веселовскій такъ парактеризуетъ этого героя: „Фигаро
— это даровитый выходецъ изъ золты, умный и зоркий
наблюдатель, вооруженный не только юморомъ, веселостью,
но и демократическимъ гнѣвомъ, первымъ вы,
разитель того, что губивовали расядки закихъ те слымъ,
лѣнныхъ плееевъ во время агонии срараго общесрвен,
наго срра“. Впрочемъ:

Какъ мы уже слышали, Бомарше бралъ содержание
озовсиду; ^{напр.} отъ оказывающъ и продрасназевель Молсеру
(Школа тешицивъ). Агнеса съ закихъ те искусствовъ
обманивающъ своего опекуна, какъ Розина — доктора Бар,
золы; а ея вздыхающъ, подобно Алмавиву, вполнѣ
годился въ Милдори. Но весь эи пьеса основана на
одной изъ вѣковѣчныхъ, общечеловѣческихъ темъ, къ
которымъ охотно возвращались позже всѣхъ срра, —

1) Очеркъ литературной исторіи предковъ Фигаро съдѣланъ въ книгѣ
Pierre Toldo „Figaro et ses origines“, Milan, 1893.

на горестность молодости и страсти надъ сравнительно дешев.
физиолог. и подозрительности. Около этой несложной
 завязки вращалась музыка „Севильскаго Цирюльника“
 въ его первой редакціи, гусидой полигитескиихъ и од.
натуральныхъ вопросовъ книжки и свободной офъ наме.
ковъ на личныя горести автора. Въ эту пору опера
 Бомарше была родоначальницей всехъ созданій
Паззелло и Россини. Для насъ особенно любопытно, что
 опера на либретто „Сев. Цирюльника“ была написана Ла.
 Эзиелло въ Копенбургѣ во время пленя его при дворе вика.
герита, и держалась на ураляхъ сценахъ до по.
 явленія тессы Россини. Бомарше не безъ сознательна
отказа офъ приняться музыкальнаго элемента, но его
мнѣнію, необходимо временно благороднаго, и принужденъ
былъ придать своему произведенію форму комедіи, эту
форму, въ которой ей судено было достигнуть славы.

Лондонскія, изданія сочиненій Бомарше, находясь
 въ бунагаль Бомарше важныя новости, между прочими
 и эту, что первообразомъ „Севильскаго Цирюльника“ было
 что-то въ родѣ арлекимада, котораго Бомарше однаки,
 да просили кружокъ своихъ людей, собиравшихся
 у покровителя сербовавшаго ему Леопольда д'Эзиоля.
 Наконецъ съ усиленными шаромъ принялся Бомарше
хлопотать и пересмотрѣ своей тессы, давнѣе предъла,
кой въ комедію (сначала въ 5 актахъ) и задержанъ.

1) Beaumarchais et ses oeuvres, p. 8. L'intilhae, 1887.

2) См. его статью „Beaumarchais inédit“, Revue des deux Mondes 1899,
 1 мая.

17752

ной во время процесса Гужмана, усрались все пре-
 ндвердид, — и 23 февраля 1775 года, при громадномъ сче-
 тенім народа, Фригаро' впервые берунаерь на мировую
 сцену. Замьгаательно, что, несмотря на свои громадная
 сценическія доеронисурва и массу оппозиционнахъ вы-
 ходокъ, на легу подхвариваемыхъ годашниль гужкиль
 парреронь, „Совинскій Цирюкенискъ“ не имьль устьха на
 первомъ представленіи. Неэерпеливая паритская пудм.
 ка находила псесу слишкомъ длинной и называла
 пдзый акръ пдзый колесонъ въ повозкь. Псеса ужомля.
 ла издязкомъ ума и недосозачно баэро подвигалась
 впередь. Бомарше приписываеь слабой усткхь псесы ^{кити} срап,
 кь прозвнниковъ. Онь увердери, что „воскликнула,
 раздиряя рукопись: о, гн, боу ^{збвн} шккальщиковъ и свиску-
 нобъ, ^{фрунцван} масуровъ по гасри камля, сморкамья и бедкнхъ
 перернвовъ, — гедь нушно крови? Гвиней мой гужвердид
 акръ, и пусъ гнтьвъ звой улямеря!.. и зоткаеь ше ад-
 скій шувъ, смущавтій акзеровъ, срамъ слаботе, удалъсь,
 ся и совствль замолкъ.“

Судало-баэе, Бомарше при сльдующихъ представленіи,
 хь значирелсно сокразилъ псесу — на 4 акта. Псеса
 много выиграла оъ сокращеніи, очаровала всехъ со-
 взорого ше представленія. Но необходимая шеруба
 принесена была, — говоритъ Веселовскій, — „не богу свиса
 и камля, а другому, благодарелсному божесурву — сцену.“

теской правды. После нескольких новелл изъятений пьеса получила зорь блестящих, легкий вид, который быстро завоевал ей всеобщую известность. Какъ Бо-марше написал "своей первой серьезной пьесе" ("Звон-ния") введение, такъ къ "Севильтскому Цирюльнику" — интересное предисловіе. Это предисловіе дашесть поч-ти юмористическое озаглавіе, независимостью художествен-ныхъ и общесудебныхъ взглядовъ. И вообще въ этой комедии навсегда осталось что-то свѣтлое, бодрое и мо-лодое. Никогда такъ ярко не высказались родки даро-вания Бо-марше, какъ комик-интерпретатора, все-ладо, шушлявого и злого, способнаго придумать за-бавную пураницу, ^{какую-то} живѣль возсоздасть людей и праз-ко говорить правду, какъ въ этой первой комедии. Никогда не вернулся къ нему эти свойства въ та-комъ полномъ расцветѣ. ✕

Свадьба Фигаро

Въ 1784г. Бо-марше поставилъ на сцену "Свадьбу Фигаро" (Marriage de Figaro), ^{знаменитой} вторую часть Фигаро, где предославилъ своему любимому герою больше широ-кое поле дѣйствія. Основной мотивъ пьесы — это борьба Фигаро съ представителемъ родовой аристокра-ции, графомъ Альмавивою, желавшимъ оудить у него невесту; пьеса оканчивается зорнесудомъ пьесы, ко-торый оказывается и умны, и находивтъ графа. Бо-марше сумѣлъ высказать подбоду Фигаро, какъ

по поводу представителя среднего сословия надвратца.

наше представительство аристократического принципа.

Серия в песте всего больше направлено против
двух главных сил для Бонапарте социальных бед,
своей его времени: всевластия барства и гонения на
мысли. Здесь рты леря от сердца. "Нужь, господино
графь, вы ея не получите! Такъ какъ вы великома,
то вы уже спускаете себя великимъ гениемъ! Дворян
сво, само, барства вышатаютъ геловнику столько гордо-
сти! Но что вы сделали, чтобы достигнуть столькихъ
благовъ? Вы только дали себя зреть (позрелись) ро-
дился, и больше ничего. И способности-то у васъ
заурядная, тогда какъ мы, задержанному въ своей
гольте, (нужно было много ума и изворотливости),
нужно было выказать несравненно больше искусе,
сва и сообразительности, чтобы только продержаться
(не погибнуть), чтобы захватывалось эхихъ свойствъ,
за что-то ея ея муть, тогда управляетъ всего Испанией,
— и вы ходите загадаться со мною!" —

Виде разъ Фигаро заступился и за себя, и за всякъ
даровитыхъ педяевъ, бросая вызовъ соперникамъ. На
слова Сусанны, что должно ея придворного очень зреть,
клад, Фигаро отбываетъ: "Reservoir, grandre et demande
— voilà le secret en trois mots!" (Получаетъ, брань и про-
сизъ — возъ въ эхихъ зреть словахъ весь секретъ! II, 2).

— Возь какъ зло снѣлся Фигаро надъ чинами вели-
 кошами, козорове, какъ Алсмавива, ускунали духу
 времени, хоть ли слово передовали, высказали на
 показъ свое озреченіе оу претинахъ нравъ и, про себя,
 осрабались крѣпосудниками! Онъ раскрывалъ тайны
 придворнаго міра и съ замѣгательною лѣткоюсого фор-
 мулировалъ его кафельизисъ (relever, prendre et déman-
der, voilà le secret en trois mots).

Досралосъ и патриархальному суду съ закими дѣладе,
 лями, какъ поперизельский помѣщикъ Алсмавива
 и пельтний Бридузотъ, съ указами „стисходизельны-
 ми къ богариль, суровыми для бѣдныхъ, — и всшей
полдизисъ, живущей обманомъ и индургами, и про,
 давить лѣткъ, и бюрократин, гдѣ продвигается впередъ
 бѣдариносого и работниель (медіосе et rampant, et
 l'on arrive à tout). Фигаро возмущалъ нравственное
 паденіе общесства, козорове сначала гуддалосъ его, какъ
 писателя и умнаго геловока, но озкрыло передъ нимъ
 насрезивъ двери, какъ уолько онъ задумалъ держалъ
 у себя банкъ, на что ему способносги, когда принялъ
 обходныхъ людей съвѣдущихъ и предпочѣлъ имъ первого
 понашароса пласуна, заручившароса проекцією (on
 pense à moi pour une place, mais malheureusement
 j'y étais propre: il fallait un calculateur, ce fut un dan-
 sent qui l'obtint). Но, какъ уоие сказано, осзривъ всесо

Больше направлено противъ двухъ главнѣйшихъ дѣлъ Го.
 марше социальныя дѣлорвѣй его времени: внѣвласія Бар-
сва и шенія ^{на} масса. (Позомъ) ^{Томарема} онъ спорить съ соперника,
 ми, конечно, не изъ-за мелкихъ спалковеній, какъ ге,
 роидъ масса изъ-за любви къ Сусаннѣ; это отъ утѣныта,
 пощею отраженіе интересовъ высшаго порядка. Но Томар,
 ме съ умасломъ ^{на въ про Аль} сдѣлалъ, кромѣ того, Фригаро писателямъ-
дипломатомъ, и пользующа эмиль, что въ его уздами про-
десованъ противъ зныхъ, кто, увидавъ, что, не въ состояніи
поддѣлать себѣ чужаго человека, меришь ему за это пре-
слѣдованіями. Фригаро бросаторъ въ зирину за невинную
 бромшору экономическаго содержания; онъ хотѣлъ бы
взломать времешникамъ, какъ безпечно привитая,
 циль несчастія людямъ, что наказанія небыли,
 цы получаютъ значеніе лишь жалъ, етъ сущаствяеся ихъ
 обращеніе, что безъ свободы порисатся не можеть суща,
 сурованъ и меривая похвала, что только мелкія пахуры
могутъ боярся мелкія книжечкѣ. Впрогемъ ^{зю} придавалъ
 ерь онъ: говорять, что, въ мое оужденіе, въ Мадридѣ
устанавилася свобода печати, подъ условіемъ, что въ я
не касался ни властей, ни церкви, ни полиціи, ни
правсуденности, ни чиновныхъ лицъ, ни политическихъ
сословій, ни оперы или другихъ театровъ, ни кого бы
то ни было, кто съ кѣмъ-нибудь имѣеть свидѣ; я могу
все печатать свободно, подъ наблюденіемъ двухъ или

зреть изморозь:

Не довольствуясь погущею иль изображением по-
рядка вещей, складывающихся передъ зрителемъ изъ
многочисла фактовъ рязкихъ штриховъ, Бомарше кон-
чаетъ пьесу узоромъ Французин. Последний куплетъ
гласитъ: „Насловная комедія безошибочно изобража-
етъ жизнь нашего доброго народа. Когда его призываетъ,
плясать, оны Французей, оны кричатъ, волнуется на весь
ладъ, — однако все кончается нысенками (tout finit
par des chansons).“

Планъ этой пьесы — второй части трилогии о Фригаро —
былъ давно готовъ вѣрять у автора. Въ главнѣйш. гер-
цахъ оны набросаны уже въ предисловіи къ „Севильс-
скому цирюльнику“. Его кто-то упрекнулъ тогда въ
слабости и несамостоятельности вымысла. Но еслибы
Бомарше хотѣлъ, ему стоило бы только не скупиться
на развѣтв. фабулы, погрѣши немного ролью изобрѣтѣн-
и новыхъ ситуаций, лицъ, отношеній изумилъ бы
своимъ разнообразіемъ зрителей. Развѣ трудно пред-
ставить себѣ, напр., эпизодъ „Севильскаго цирюльни-
ка“, графа Анжана — знаменитѣль и уже скупачившійся, Фригаро —
наканунѣ брака съ молодой красавицею, за ко-
рой приволакивается его покровитель! Борьба ума
и находчивости съ насиліемъ и капризами будетъ
только перенесена изъ одного поколѣнія въ другое.

прежде она направлена была против старого Бароло,
 теперь ее воздвигают против вероятно Линдору, пре-
 вратившись в важного человека и солидного зем-
левладельца. И не ^{одно} только Фригаро может связать
 историю Фриль двух поколений. Сирота, выросший под
 чужим именем, он, положившись, сынов Бароло и Мар-
селлина, соблазненной мать когда-то; родители идут
^{запрет} наперекор его браку; сгарик ненавидит его за пред-
ний продылки; мать никого не подозревая, не прот-
насилно женит его на себя. Свэг их изрив на.
дасть перед расквизим завязной займы. „Это вы! Это
онь! Это я! Это я! только и слышась возглас. Что за
чудесный театральный эффект!“

Так представлялся автору, в недавних чертах, то,
 теперь второй песня — второй части трилогии. Тонкий чуж-
нивец его Залампа, принц Конзи, давно воздвигал
его „поставил на сцену предисловие к „Севильскому
Цирюльнику“, которое, по его словам, гораздо веселее
само песня, и вывел самого Фригаро“. И Бомарше
послушался (как онь вспоминает потом) именно
этого дружеского указания. Из двух составных частей
Элементаров — сложновения с Барезволь и комическая
судароли сина с родителями — составилась основа ко-
медии, а лирический опыт автора за последние двенадцать,
нес год наложил на нее отпечаток общественного

1) Вспомнить этого песня и дано второе заглавие: „La folle jeunesse“

Голубой переплет?
 Трилогия составлена из записок

недовольства. На своегоравного Алмавиву перашии герца и Вероника, охладившаго къ Бомарше изъ ревности къ его успѣхамъ въ американскомъ дѣлѣ, и разныхъ свѣтскихъ прозивниковъ,¹⁾ и десятокъ вельможъ, которые, по свидѣтельству друга и кассира поэта, поспѣшнѣе закидали у него деньги безъ оцѣнки. Сильныя намеки на злобу дна сначала переполняли пьесу.

Но и заланръ Бомарше въ эту пору былъ въ полномъ развиріи. Онъ далеко оцѣрился ^{фантастично} придирчивыи „правила“ и пишеть слогомъ небрежнымъ, неправильнымъ, но зато многоразно ксерезвеннымъ. Онъ не навязываетъ своихъ гладкихъ и обдуманыхъ періодовъ действующему лицу, но, влодирь въ его положеніе и говоришь ему: ^{mit der Zeit} не плотай, Фригаро, графъ догадывается, — спасайся скорѣе, Жерудинъ... Это они на это скажуць, ему все равно; вамъ, но лишь то, что стѣлають?

Въ характеристикѣ замѣтно нѣсколько сужесрвенныхъ центровъ. Алмавива, мрѣмой похолонокъ Домъ-Му, она, поидрь и обрисованъ своеобразно; авзоръ шелаерь, зтодь исполнили придавали этой роли губерво дождо, инерва и издичесрво, которое должно скривать душевную ^{die Intelligenz, die Honnêté} развращенность и оглаживаеъ комическое вие, карльнѣе его посподянныхъ меудаль. Графриня ервоже напоминаеъ Монсеровскую Эльмиру, но въ этой оскорбленной и печальной метизинѣ шевельтцуюеъ нѣтъное

1) Въ сморрѣли на герцога Шардускаго, когда въ комедіи говорилось объ аристократахъ, которые держать шорные дома; оригиналомъ служилъ и графъ Лораъ, и князь Нассау-Зигенъ, перешедшій попомъ въ россійскую службу.

губерво къ увлекающемуся и наивно-сврасному ребенку Керубину и едва замкнуто сурдическою промелькнуло въ ея души среди сурдическихъ зреловъ, а въ миловид. ность образа Керубина воплотилась первая проявленія потребности любви на пороге оу оуросева къ точности, до того еще смущая, что мальчикъ самъ не зналъ, что любить не графиню, и не Сусанну, и не Франшеззу, а шеницину. Такъ точно никогда еще не рисовала Бомарше.

Много выиграла и феллика комедии; сплетеніе зрелой, но и индиги искусно прободръ по ней и подг-ковецъ порождаетъ, советамъ въ испанскою въкуто, радъ забавнолю столкисобеній и оукузій. Малькаго еще кое-гдѣ пресонія неровности, — слишкомъ губервизельный разсуденій Мар, селиты, непомытно длинный монологъ Фигаро въ нача, лѣ пядого акта. Но эти недосказки искупаются переветъ, сокъ доуомсубъ, и зоръ же знаменитый монологъ про, изводилъ позрсающее впечатлѣніе, поэтому что въ немъ сосредоточились обличительная иерини, который авторъ суремился провозгласилъ во всеуслышаніе. Зоръ зрелій и самый важный элементъ пьесы, басуръ заслонившій оу взоровъ долна художественную сторону произведенія, естественна развилась здѣсь гораздо сильнее, чѣмъ въ Ци. рмелникъ. Тамъ оу еще могъ быть блестящимъ хотъ д'овете, повою же пьесу оуе пропикъ насквозъ и

1824

и неразделенъ съ нѣю. Бомарше хотѣлъ стасала себѣ
 снѣ съ снѣмега испанскій нарядъ, перевески Фигаро и
 его смущниковъ герцога Тиренен и окрыхо выеавиуъ въ ко,
 мѣдин французскіе нравы и порядки. — Авзоръ хотѣлъ
 уже помнѣснѣ въ тѣсу любопытный нападки на париж,
 снѣю полицію, на Витмаркерго въ лифразурный дѣла
 доносниковъ — клерикаловъ, на продажнѣснѣ прессы; Витмарко
затѣка, у воровъ котораго Фигаро оубавилъ свободу и надежды;
 прямо называлася Басуилія.¹⁾ Но цензурное давлѣніе
 и боль короля засабили снова вернурсѣ къ испанско,
 му маскараду... Авзоромъ руководили не одно лишь остро-
 уміе, насмѣшливосѣ или самозащита, но прежде всего
 снѣремленіе къ общеснѣветной пользѣ. Созавляя планъ
 своей тѣсы, Бомарше, расположилъ его такъ, зтобы въ
 ней могла найтн мнѣснѣ крифика многоснѣленныхъ
злоупотребленій, удручающихъ общеснѣво; оны снѣравили
 себѣ изъяснѣ „проложнѣснѣ при помощи снѣены нѣснѣ для
желанныхъ реформъ”.

Тѣперъ Бомарше вѣтерилъ въ нѣхъ настойчатѣснѣснѣ
 и убѣжденнѣ быль въ цѣлѣхъ, и зтѣмъ снѣнѣмѣ призѣн-
валъ нѣхъ, предсказывалъ нѣхъ близѣснѣснѣ. Но и въ эту пору
 оны совѣстѣнѣ не быль радикаловъ. — какъ въ пору „нѣмѣ-
арѣво” оны удовлетворилъ бы англійскими государствен-
ными устрѣженіями. Среди водоворога фигатисовой, мѣн-
дународной, сценической дѣвѣлѣснѣснѣ Бомарше, всегда

¹⁾ Анжумлякѣ: Revue de deux mondes, 1893, 1 mars, Veauvetat.
chaïs inédit, p. 155 — 162.

закой прозорливый, не замечал приближения ни мирной
поры реформы, ни глубокого и потрясающего переворота.

Онъ безусловно обличалъ, но въ то же время не порывалъ
связей съ влиятельными сферами, не разсуждалъ съ широко
задумантными планами, какъ будто надѣясь, что при удач.
меняхъ и переменахъ порядокъ вещей можетъ еще счас
удовлетворительнымъ.

Такова тайна видимой непослѣдовательности Томарша
и зого трагического разлада между писарелемъ и обидеуровомъ,
который обозначился вскорѣ послѣ начала революціи и об.
наружилъ сильное недовольствіе къ автору пьесы, явившейся
однимъ изъ главнѣйш. ея предвѣстій. До нея онъ и какинъ
казался гуръ не демагогомъ, послѣ нея составилъ болѣе слиш.
комъ умѣреннѣе. Но въ ту пору, когда зомско-го напи.
сана была свадьба Тригарио, сперзай воздухъ болѣе оствѣтленъ
этимъ сурреалистичнымъ порокомъ галльскаго оуручмид, сры,
вавшаго маски и называвшаго вещи по ихъ именамъ.

Логко предсавишь себя, какова должна была быть древота,
возбужденная въ извѣстныхъ словахъ слухами о подобной
комедіи, и съ какими сраженіемъ любопытствомъ ознида.
ли ее въ болѣе нейтральныхъ кругахъ и въ дисуро продуци.
давшей маскѣ; подготовленные „Цирюльничкомъ“, вѣтъ
убѣжденны были, что въ новой пьесѣ обидеуровное мнѣ.
ніе наидеть горячее заступничество, и впередъ симпази.
зировали ей. Судьбное оуравки, мужкия слова и выходки

разносились повсюду молвою, и Бомарше поспешно
старался какъ можно больше пускаться въ ^{въ} обращение.
Съ виду случайная, на дѣлѣ умышленная, неосторожи-
вость до-и-того рождая невзначай въ форму оду блѣзку
сазиря за другого. Мало-по-малу любопытство превра-
щало въ манию; она росла по мѣрѣ усилений произ-
вола, оудалывшаго всенародное исполненіе пьесы, — и
подъ-конецъ заразила и дѣтскіе, козорые, казалось, объ-
зати были даръ ей ^{тогда} бзоръ. Какъ въ дни мемюаровъ,
блуделотившія лица искали случая увидать, какъ
громко поддерживаемый или порицанъ вещей. Точ-
ное оскроушье (esprit) всегда — какъ замѣчаетъ Платъ¹⁾ —
привлекало и побуждало французовъ, а въ этой комедии
оно привлекаемо соотвѣствовало съ пикаресными поло-
женіями, веселю мураницего, маскарадными превра-
щеніями, — удивительно ли, что долго неудовольствован-
ная любопытство привело, наконецъ, къ досюпаньямъ.
мысль сценарія накатунъ первого представления, когда
долга, въ которой знакъ снышывалась съ плебейми, про-
вела итальянскія сцены передъ театромъ, тамъ забирались
зайкомъ въ логии актеровъ, барсеры были сломаны, сфра-
на оуброшена и слуха!

Но если фанатизмъ этого рода возрасталъ не по дѣламъ,
а по гасанью, то на-вероятно ему развивалась и сильная
оппозиція. Въ памфлетѣ всеголь ушасмыя герзанія, вс.

1) См. Origines de la France contemporaine, I, 1876, 359-361.

несетивья авторы из-за ^{отнюдь не} первенствующей его пьесы.
 Это повороте судьбы. Парзюффа. Сходство ^{Collision, Strike} в сражке ветхих
визельных элементов прозивь облигизеля; разница
 в том, что за ним не было даже закона, бурж. кощера,
 недосадожно энергичного, но все же дружески располо,
 шенного верховного судьи, как Модовикъ XIV за Молье,
ромъ. Тезисе года провель Бомарше в упорной борьбе;
шесть цензоровъ поочередно разбирали комедии, урыза
ли, искажали ее; позволение играе или печатае ее
то давало, то отнимало; приходило пропагандро,
бурж ее снала в часныхъ кружкахъ, возбуждае модо
пыре массы, похоло перевынуе все симпатии на
свою сторону и вырвае согласие у короля. Тамъ прозе про
являла оппозиция, утомъ настойчивые срачовилея
Бомарше, свабиле все на карьеру и задавале, что это
упорство попыре повредит его даловымъ комбинацие,
яль и связаль.

Ему зверднли, что онъ нарушае сценическое благо,
присойносе, — онъ доказывале, что эти нарекания —
новый видъ лицемерия, козорое, въ виду всеобщей
развуданности травовъ, нарае надле утомлюрен,
нито маску. Когда негодовали на то, что онъ клепнито
утомлюе сословия, онъ соглашале, что по существу все
классы общества суть ли высвободителе из-под суда
драмы, и земель авторы не смые свободно задумале

У какъ это дѣлалъ Мольеръ

свое произведение, а принужденъ вращаться среди невоз-
можныхъ приключеній, зубоскалить вѣнцо того, что
бы слыаться, и выдирать свои риты вѣтъ обществу, изъ
боязни нашихъ зисяди враговъ. Теперь нельзя было
бы сыграть ^{Описание} „Сузяль“ Гасина, безъ того, чтобы не заговорили
объ оскорбленіи суда, нельзя бы посрабить „Пторкаръ“ Ле-
сана, не возбудивъ прозвѣсь себя всѣхъ круивыхъ и мал-
кихъ озкуницковъ, или изобразить Монсеровскихъ мар-
кизовъ — безъ того, чтобы не подъялъ на ноги высшее,
среднее, новое и древнее дворянство. Кто вычислитъ,
какую силу должны бы имѣть хоть рогачъ, кодо,
рой въ наше время довель бы „Парзюффа“ до посрамовки
на сцену.¹⁾

И Бонарше протикся мыслью, что если какой-нибудь
сильскакъ „не разгнѣрь всей этой выковой пыли и не
высезъ на сцену настойщей жизни и силныхъ силу,
ацій, особенно устьхъ, что порождаетъ общественныя
неравенство“, — скупа засрабить зришель измѣнить
театру для двусмысленной оперетки или бульварныхъ
балагановъ. „Я озважилъ львизся закимъ сильскакотвѣ“, —
говорить Бонарше, — „и если не влозимъ особенно много
фаланга въ мои произведения, все же наимѣренія мои
сказались въ нихъ“.

Но на Бонарше и его поску усердно клеветали. де
спарались высрабить грубыя фарсомъ, полнымъ ненри.

1) Загруженіи, обдавившии тогда обличеніе нравовъ на сценѣ,
характеризованы у Desnoir-terre, „La comédie satirique au XVIII
siècle“, 1875. — А. Веселовскій стр. 343.

свойностей, и указывали на безгражданское поведение, ко-
 торой ни за что не хотела разлучаться ни с одною изъ
 нихъ (qu'il y veut conserver toutes les ordures dont elle
 est remplie). Позомъ, когда этого показалось недоста-
 точно, выдвинули опасное обвинение: кроить множеству
 патристичныхъ пьесъ, пьеса, по словамъ мнѣ, бывшихъ
 на репертуарѣ, — полна несуточныхъ выходовъ прозивъ
суда, многочисленныхъ посланниковъ и т. д. Наконецъ по-
 сроднимо звертели о непонятной длине и несуточ-
ности пьесы, о безвкусицѣ выражений, извращенныхъ не-
кстати пословицъ, шутовскихъ словесекъ. И изъ далекаго
 Петербурга слышалось почти буквальное повторение этихъ
 же предвзятыхъ суждений. Экзерцима видела въ пьесѣ
безпрестанная двусмысленности, съезъ и шуриги, въ ко-
 торой нѣтъ ни капли правдоподобія. „Можетъ быть,
 игра актеровъ придаетъ цѣлому комизмъ, — прибавляла
 она, — но я ни разу не разсмѣялась при чтеніи“. Сна-
 чала она насроизливо добивалась возможности дать
 „Matière de Fédor“, какъ повинку въ Петербургъ и все,
 пользовалась цѣлхонь „Севильскаго Цирюльника“, который
 выдерживалъ замъ 50 представлений. Оуъ имени директора
 театровъ, Бибикова, писалъ въ этомъ смыслѣ къ Болярше
 французскій актеръ при Экзерциминскомъ дворѣ Давъ,
 comte.¹⁾

Въ законѣ осужденіи со стороны юрика, обыкновенн.

1) Письмо у Lintilhac, стр. 407. — Собр. Русск. Историческаго Общества,
 т. XXIII, стр. 334.

но противуафелского, видимо загласт больше серьезная пригима недоболсезва. Но Людовикъ XVI охроветно съ раздраженіемъ оубросилъ рукописи комедіи, сказавъ, что въ его царствованіе такая опасная пьеса дана не будетъ, что для ея оправданія следовало бы тотчасъ же уничтожить Басвилію¹⁾. Переданное Бомарше, это гнѣвное заявленіе вызвало съ его стороны сильный отпоръ, и борьба изъ-за комедіи приняла характеръ поединка между королевою и комическимъ писателемъ. Побѣдилъ наконецъ Бомарше-Фитаро; закладіе Людовика осзалося преземъ звукомъ, и не только пьеса была дана имено въ его царствованіе, но хоръ похвалъ и бое, зорговъ собственъ заглушилъ его суровыя возраженія.

Какъ нѣкогда Мольеръ изъ-за "Тарзюффа", Бомарше повель было такъ, что его парзизанамъ поделенно сра, товились приближенныя къ королю лица, члена коро, левской семьи (графъ д'Artois), госди французскаго двора, козорьямъ зрудно было бы оказатъ въ просьбѣ оубъ освобожденіи изъ тѣхна комедіи, замкзресовавшей всѣхъ своимъ содержаниемъ. Авзоръ съ особымъ увлеченіемъ воспользовался случаемъ познакомиться съ нѣмъ великаго князя Павла Петровича и Маріи Федоровны, путешезво, бавшихъ подъ именемъ графа и графини Сьверинамъ. Князь Всуновъ, имено съ нимъ знакомой, вывезъ съ Фриммонъ, козорый²⁾ прикинулся на згоръ разъ зезуити,

1) См. Mémoires de madame Campan, II.

2) Въ своемъ органѣ обилкала иудрми Бомарше по поводу его пьесы, но

Бювар

комъ и ходящему, старались сблизить Бюварше съ на,
слѣдникомъ русскаго престола и намекали на возмож,
нось ^{Бюварше, покровитель} председателя великаго князя передъ королевою.

Благодаря этому оберъдиректору Бюварше добился, на,
конце, разрѣшенія поспѣвать тѣсу при дворѣ. Актеры
разурили ее, сдѣлано было до пятнадцати реторцій
на сценѣ оуля des Menus Plaisirs, вслѣдствіе разосланія
пригласительные билета, украшенные гравированными
изображеніями Тригара въ его костюмѣ; графъ д'Артуа
прѣтхалъ ко дню спектакля, надѣялись видѣть на немъ
и королеву, — и вдругъ представленіе было запрещено
безъ всякихъ побужденійныхъ причинъ. Обществу за,
волновалось, заропзало прозвѣ самоуправства. Вскорѣ
передали Бюварше, утѣхавшему съ досады въ Англію,
что тѣсу прощадуть, только для виду назначивъ ко,
бай пересмотрѣть ея. Два-три вырѣженія были отъ
принесены въ шербву. Позомъ тѣса дана была съ
громадными устѣхами въ Менвиле у графа Водрейля
передъ оуборными обществу, но она все еще казалась
ненадежною для исполненія на насродичей сценѣ.
Еще три цензора придали ей благоприсойный видъ,
Бюварше самъ прочелъ ее у министра и оузаивалъ
всѣ спорныя мѣста. Упорсубовалъ долбше, наконецъ,
мелодъ было, — и началъ недвбалый, отозвѣдующій
устѣхъ комедіи: съ 27 апрѣля 1784 до начала 1785 года

ее играли шестидесять восемь раз, и она доставила почти полмиллиона лировъ сбора.

Казалось, ничего не оставало больше для популярности Бомарше. Но еще ему пришлось за нее поплачиваться. Мелкий журналистъ, мстивший ему из-за личных счетов по литературной полемикѣ, подалъ на него доносъ объ оскорбленіи величества и нашелъ поддержку у графа Прованскаго (будущаго Людовика XVIII), одного изъ немногихъ въ ту минуту значительныхъ прозвѣнниковъ тѣса. Сидя за карточными столомъ, король написалъ на пиковой селѣткѣ приказъ запереть Бомарше въ узорную Saint-Lazare. Неостыданность этой кары среди непревѣнныхъ зрѣищевъ писателя и срамный видоръ несправедливаго заведенія, куда сажали гулякъ, подыскавали на всѣхъ оскорбительн^{но}. Этимъ новымъ промахомъ раздраженнаго Людовика еще больше усилилъ симпатіи къ автору „Свадьбы Фигаро“. Правительсерво поняло свою ошибку, выпустило поэта на волю черезъ тѣсколскондней и старалось загладить несправдливую молодкосудальи. Орелъ, окружавшій Бомарше, какъ срадалсца за убытокъ дѣтей, засидѣлъ ярче прежняго. ✕

Несмотря на массу выходовъ, всегда вызвавшихъ шумную одобренія партера, „Свадьба Фигаро, благо, даря своей веселости и несравненному остроумію,

имела успехи даже в придворных сферах. Известно, что она была поставлена на придворной сцене в Трианон¹⁾, при чем сама королева играла роль Розины, а граф д'Артуа — Фигаро. Но другой гость фран. и испанского двора, шведский король Густавь советовал в званье Людовика назвать, что неса не неприлично, а дерзка (insolente). Позже Наполеон I озвучил по-настоящему революционное значение этой неса Бонапарте, назвавши ее революцией в действии (la révolution déjà en action). Действительно, неса была предвестником и ярким символом начинавшегося общенационального переворота, потрясшего собою не только Францию, но и весь образованный мир. В перевороты эпохи, впрочем, Бонапарте не принимал никакого участия, даже не сочувствовал ему и при осуждении его сел за лучшее удалиться из Франции.

Но еще басней, глго "Севильский Цирюльник", "Свадьба Фигаро" (Mariage de Figaro) стала достоянием всей европейской сцены. В конце 1785 года она уже переведена была по-немецки Гудером и во Лейпциге шла много раз подряд перед переполненными театрами. Большое любопытство возбудила она и в России. Заинтересовавший уже весьма свои двумя несами, "Звонией" и "Сев. Цирюльником", Бонапарте, как сочинитель Фигарона¹⁾, глался "властителем наших

1) В XVIII столетии имя это у нас склонилось и автор Фигарона получил его либовую годовую пенсию.

думь, какъ выражается Веселовскій. Въ Москвѣ съ четвертныиemi тидами получении печатныхъ Экземплярровъ, и какъ только въ Московскихъ Вѣдомостяхъ (1785 г.) появилось объявление оу французской книжной лавки на Тверской о привозѣ книги, дурь та неизбѣжное мнѣ помѣнуло объявление, гласившее, что, славная комедія Mariage de Figaro переведена и скоро издастся въ свѣтъ. Однако прошли три года оу перевода тесеи (А. В. Лабзницѣю) до перваго ея представленія. Мбо она была исполнена въ первый разъ въ Москвѣ на большомъ Петровскомъ театръ 15 янв., ря 1788 года. Фигаро игралъ Волковъ, графиню - Синавская.

Такъ въ различныхъ сферахъ, даже въ далекихъ уголкахъ тогдашняго культурнаго міра, эта сурасная тесеи мнѣла возбуждаѣтъ воссоргы, толки и споры. Въ безчисленныя представленія тмк почти въ уровенъ съ длинными рядами ея изданій, вѣнскихъ, авгорскихъ и зайскихъ. Въ время первыхъ спектаклей ее записывали на-лѣзю въ партурѣ, небрежно, съ вариантами содобеннаго изданія или записки, козорие пострепенно цофра, нѣль самъ аворъ, — и эти почти сфенографическіе наброски превращались походомъ въ Толландію въ негизмкѣй фоксѣ, на козорѣй, поверкъ заглавнаго мѣста, наклеивался другой, съ помѣзкою Парина, какъ мнѣнаго

непарамид.¹⁾ Бомарше был вынужден постыдиться
собственными изданием, тогда оградило комедию от
новых искажений, досадного было, уже жертвы, при,
несомненных цензурь.²⁾ Но, долго не прекращались ^{востановил} копья
факции, — и за ними шумела рой пародий и пастышей,
проникших и в русскую литературу.

Таково „Багдадский Цирюльник“, комедия, переведен-
ная Павлом Вирдобини, 1787 г. Заглавие любопытная
книжечка „Багдадский Цирюльник, бременский борода ег-
вильскому цирюльнику Фигаро“. (Москва у Окорокова,
1792), — доказывавшая, что Бомарше, в прозисовомом,
носил Молсеру и Ренсару, изображал пороки забавны,
ми. Выпущено было продолжение „Свадьба Фигаро“, *Les*
deux Figaro ou le sujet de comédie, par Martelly, 1794 г.,
Его высказана беззастенчиво герой. В дни революции
явилась пьеса „*Figaro Journaliste*“, в XIX столетии ви-
димы надухачуно „*La mort de Figaro*“ (Смерть Фигаро),
песня Розве, 1833 г. где Фигаро посылал в руках инкви-
зиции; потом „*Le fils de Figaro*“ (Сын Фигаро, par Virat
et Masselin, 1835) и, наконец, „*La fille de Figaro*“ (Дочь Фри-
гаро, Мелвилля, 1843).

IV-й период — поэты на склоне жизни.

Полоса глумливости, возвращаемая в первых
песнях нашего автора, а скоро промедля у него в
его безмерных произведениях, промелькала еще

1) Любопытная экземпляр закона поддельного издания (Амстердам, 1785) и титлы
Дубликата Московского университета.

2) Сп. Франсуа Вальфердин'a „De la dernière représentation du *Mariage de Figaro* au Théâtre
à Paris, le 12 novembre 1820, ou Histoire de ses mutilations depuis sa naissance jusqu'à
nos jours. Petite brochure dédiée aux censeurs passés, présents et futurs.“ Мелвилля
одежда вольных злоключений „Свадьба Фигаро“.

Талант

мимолетно лишь наклонить его тизми, въ "Парары".
 Въ сагой буржуазной сраосфи, когда геловткъ позволелъ
 себѣ успокоиться на лавраль, сознавая, что сдѣлалъ
 кое-что въ тизми, Бомарше не хотѣлъ вовсе отказъ,
 вѣзся оу лафературы и деазра, но и замеселъ, замн.
 тавшій его генеръ, ^{заблудившись} былъ подъ срае имено къ его новъ.
 му, генерешнему насурешю. Впрочемъ, по Лэнрилкажу,
 первый набросокъ "Парара" восходитъ ко времени появ.
 ленія "Севилскаго Цирюлника".¹⁾ Но генеръ залко-То.
 марше вѣзся за выбрабужку эгой пѣсни. Фрадула, "Па.
рара", какъ эго раскралъ Безделгейтъ, основанная на
борбѣ королевскаго старшодиваго каприза съ прямо-
душнѣмъ полководца, слимикомъ старшодиваго въ супру,
шесрѣтъ, представляла собою отъзъ мѣсторію Фигаро, пере-
несенную лишь въ одласѣ трагедіи.

Какъ для своего дворца Бомарше на досугъ изобрѣ.
 залъ ^{музыкальн.} выкурные эфрекуы убрансѣва, ^{сфиндѣль} какъ въ зарѣвилъ,
 вой оперѣ, съ козорой отъ дого носилъ, сбираелъ уди.
 вѣрѣ свѣзъ какимъ-то сфрантѣмъ созераніемъ греческой
 трагедіи съ просвѣдизельными идеями XVIIIго вѣка
 и грозившесоя автору (задолго до Рихарда Вагнера)
 формого "музыкальной драмы", отъ хотѣлъ порексези
 зрицеля въ возрожную и болшеднужю обѣрамовку, искалъ
тезроужк красокъ, всдвигалъ въ прологѣ не тивовѣ
стодей, а ихъ зѣтнн, въ сагой пѣсѣ — азіатскіи

¹⁾ См. Antilnas, Врамматонаіс, р. 79-96.

веспоробъ; лизунахъ шрецовъ, хора свнучковъ, вздунривавъ,
михелъ солдатъ, а наряду съ нимъ — Терия, воспроизво-
дителя живаго существа, или Природу (le génie de la
reproduction des êtres, ou la Nature), и „Духа огня, по-
вельвающаго солнцемъ, любовника Природы (l'esprit
du feu, commandeur du soleil, amateur de la Nature).

Хотя Бонапарте закъ долго боролся прозвнть свараго
порядка, однако онъ все еще вѣрилъ въ возможность
мирнаго обновленія и постышился въ 1790 году ввести
въ „Парла” сцену горюсвеченной передачи народомъ
своихъ правъ избранному или королю, какъ правителю
конституціонному, который будеть руководиться за-
кономъ и справедливостю; мало долго, онъ позвдо-
жилъ и о формъ, тотда въ нестъ намъ нѣско живые
вопросы современности, освобожденіе негровъ въ коло-
ніяхъ, озмѣна Божества священниковъ, идеи брав-
ства и народной деспотности. Прикрившись франца,
сплескивалъ своею нестю, гдѣ, какъ въ сказкѣ,
дѣйствіе происходитъ за зривельнъ земель въ зривельнъ,
золь царствъ, онъ могъ перенести въ него осуществле-
ніе надеждъ, которая, казалось ему, одушевляли луч-
шею часть народа, а согубствіе реформанъ скрасилъ
двундъ сривали, успокоивавшими наслезъ его преданъ,
несзи королю: Nous avons le meilleur des rois.

„Faisons de mourir sous ses lois.”
 (Мы имѣемъ лучшаго изъ королей.
 Клянемся умереть подъ его законами.)

Но уже однажды поэта. Заявление новобранца прин-
ципов со стороны разомгло во звукъ весь бранидней
спраси, и представлений передланного „Тарара“ были
полны музыкаль рукописеканий и свистковъ, даже
сполковений между зриделами, а хизро придуман.
нае два срака были просо выперкнужи, „изъ офорои“
носуи; паризискиль мэроль Талли. Мизно целозиня,
ласъ и слишкомъ дасуро шла впередь. Томарше
не постывалъ за него. Прошло три года, и Тарара
ничего было въ грози разъ переставриваю и прима,
равливаю; старого порядка не существовало, королев“
ский аподеозъ быль печульсфетъ; героя неси одушев,
милъ доче дучъ мезинного республиканца; какъ
прежде народъ давалъ ему свои полномогия, закъ
земерь эрозъ избранниль масси оуклоняль оу себя
коротку и научаль людей самоуправленію.

Какъ видиль, неси милъ три редакция. Въ про,
мезука между эмили зретья редакциями „Тарара“
прошла зривозитная пора стоиеній Томарше о ре,
волкозіето и новыми для него дварелами ед. Слиш,
какъ рано подумаль одъ успокоеніи и нотъ схарбий
босель и всегда недосрафотно раздорчивый, слишкомъ
непримуденно вель, ради своихъ генезималъ, бир,
шевиалъ диль, стоиенія со сроронимкальи порядка
бензей, прозавъ козорого отъ разоваль. Это болсно

III.

Французская история литературы XVIII в.

поражало лучших людей оппозиции, начинавших в ней разочароваться. Его медалью новья испанія. Онъ бросился ^{конецно} в стезю, стезю, но на каждом шагу, в каждом посылке убеждало земель крайнее, почти большинство, напряженіе расширенной энергии. Ныскольких ошибок, сделанных в минуту слабости, было достаточно, чтобы образцы от него нас, су, которая недавно закон договориво божала за него, а земель недоумывала уже в виду разлада между его словами и делом.

Но полный встрях в удачу, Бомарше пересказ опасался серьезного соперничества; онъ забыл, что изъ той же среды, которая выдвинула его, какъ заслужившика въ социальной борьбе, могутъ выйти новые люди, воо, душевные силы эти судименіи пробудятся вперед, завоевав влиятіе, что въ нихъ могутъ заговорить ревностно къ его популярности, что они раскроютъ его прошлое, разоблачатъ двойственное его дѣйствіи и на этомъ оснуютъ свой успѣхъ. И эти люди явились в лице будущаго великаго оратора, замечательнаго осужденнаго ни, сареля и яраго произвѣтника, подвижника ансиен региме, графа Мирабо (Mirabeau, 1749-1791), давшего в эпоху служить первую проду умительна увлекать сердца, и даро, видаго гезолодья Бергасса, адвоката изъ написано, умель. Неглубоки и неважны были поводы къ обилию

поэтому, что не видать уже за собою осуждений. Но
 онъ проигралъ дело: Богарше былъ оправданъ, одна-
 ко возрзановицъ прежнюю популарность ему было не,
 возможно. Прозивники приподняли занавѣсь, и пока-
 зали сатирика въ схранной компаніи Бирштейнкова,
придворныхъ похристановъ, высшихъ полицейскихъ,
 съ помощію которыхъ онъ за кулисами работалъ на
 одного лишь себя, въ погоню за Богаршевымъ. Марабо
безналасно собиравалъ ему скрывать съ глазъ и уха.
 разсъ озвнать объ одномъ, — чтобы его забыли! И Бергасъ
 громилъ двуличность и безправствность Богарше.
Безисленные мезки и дротворы выполняли оговорку
 и поддерживали обонхъ вождей насрумпленій. Въ
 старые компромиссы, все наслобдіе прошлаго ушло
 обрушивалось на Богарше и закручивало передъ
 современниками его великія заслуги.

Онъ еще спасся бы, еслибы сумѣлъ сражъ подъ знамя
великихъ принциповъ одицаго блага, или еслибы ис-
 кучно порасналъ прозивниковъ сарказмомъ и привлекъ
 стнхъ публики на свою сторону. Но роль защитниковъ
правствности и справедливости захватили себѣ его
 враги, оставляя ему золско заботу о самосохраненіи.
Наслѣтки и осурозы не удавались ему болше; импро,
визаціи, неожиданные оборозы защиты, бывало какіе
 удалные, пораснали ушеловтвосты, и вѣсьмь долготю

было показаться сфрангозо презензией его желание убла-
жить публику, что Бергассе поднимало дело фольклора
этого, чтобы поощрять первому представлению "Тарара!"

Бомарше, видимо, счарился, и весь это затеяли. Это
после была сцена, и никогда больше отъ не поправил,
ся. Последняя месса, которую отъ себе позволилъ, не
дождала цыбли, и еще раз напомнила о драхлосси;
это была заключительная часть зримоли, "La Mère cou-
rable" (^{Мать-Преступница} "Винтовая мать", Преступная мать), где зри-
тель снова видит семью Альмавивы, въ которую все,
милей генеръ насзойщій дельотъ клеветы, въ лице
ирландца Бемарса, позорящаго несчастную сунуцу,
чтобы подгозовить разорение графа. Трудно было
не узнать въ неискусно передъланной фамилии этого
новбато Шаргюффа ненавистнаго автору адвоката Бер-
гасса, ¹⁾ который игралъ въ "affaire Компанни" порядочную
роль. Такие драги послѣдней мизансы проникли въ
людишную драбулу поэта, а бездвоязная мадамъ Коппи,
таинъ съ ея зауряднаго романомъ оросидеувиласъ
съ граціознаго образомъ Розина.

Представленная Бомарше на сцену въ 1791 году чрезъ
гасъ зримоли, "La Mère courable" (Мать-Преступница),
далеко ниже двухъ первыхъ и своего губеувидельности
и дидактически въ зоркомъ скорбѣ напоминаеть ранній
песня Бомарше, гдѣ "Севильскаго Цирюлотника" или

1) Bergasse = Bédarss (Бемарс).

комедии, въ первомъ званіи зрелогіи. Въ второй ко-
медіи, или во второй части зрелогіи, въ „Свадебно
Фигаро“, навсегда оселось что-то высшее, доброе и мо-
лодое; она зрѣлѣе и рѣзче, общезыбвенное значеніе
въ глубине; „маж-пресзупница“ закрючивается зрелосте.
скія схороны жизни. Съ роскошного обертывочного и
музыкаго Салсеры, „Тараръ“ попъ правится въ свое вре-
мя, но не прибавилъ ни черточкы къ художествен-
ной репузациі автора. Бомарше оселся въ памяти
позомея зворочель несравнимыхъ двухъ комедій,
и дальше не пошъ ищи.

V. Рэюме.

Въ звореселье Бомарше образъ Фигаро играеть
роль неразлучнаго съ авторомъ смущника, съ козо,
какъ мы чаго возрогаемъ въ биографіяхъ позговъ.
Фраузе болше полубака не разскаеть съ Клоншротъ
почти всю жизнь пошла съ Мессіено; Фраузе болше
полубака не разскаеть съ Тезе; Гайльдъ-Таролдъ пере-
живаеть съ Байротомъ и опыдьяющіе цестыли, и
людскую ненависеть; Отылинь идеть одъ руку съ Пуш-
кинымъ и въ раннюю его юносу, и въ зрѣлне годы,
мертаеть съ нимъ въ лунный ноги надъ Невою, то,
мизь въ сремьхъ Трессарадіи, или уныло корозаеть
деревенскую осось, а Галцкій, спачала блѣдный и не-
опредѣленной, до ходить съ Тридошдовымъ до созна.

1) Пушкинъ вогъ какъ о ней оудоваеть:

„Слушай, Бразъ Салсеры:
Какъ мисли черная къ редъ прядеть,
Озкупори шампанскаго буземку,
Уис перекти, Меншоду Фигаро.“

зельного прозеца. Фигаро слишком зридцарь льзь
сопровождаетъ Томарше, ограждаетъ на себѣ вѣсь его
^{Могутъ же, и} зрѣволненія, посрѣннѣ сфартвѣть въ нимъ, уфрани,
бая прѣннѣю бойкосѣ; подъ-концѣ въ его волосахъ
пробиваеся стѣднѣя, голосъ не закъ звонокъ, шутки
и осурокъ не легутъ болѣе искрѣ, и отъ слишкомъ
много говоритъ о добродѣтели. Таковъ Фигаро въ
„Пресудитой мажерн“ (La mère coupable).

Толзосѣ зрѣтъ двѣ чудныхъ спузникѣ показна.
Фигаро для Томарше не золско любимнѣ позрѣскѣ
образъ, къ коророну отъ въ оградо возвращался, — это
его двойникъ. Эту Близосѣ исоденно любили вездѣ.
мѣ въ XVIII-омъ, философскѣ вѣкѣ, враги Томарше.
Такъ, авзоръ одной изъ эпиграммъ, написанныхъ по
поводу посѣановки, свадьбы Фигаро, шевалсе де Лан,
такъ, говорилъ:

Mais Figaro?... Le drôle à son patron
Si scandaleusement ^{avec ses amis} ressemble,
Il est si frappant, qu'il fait peur;
Et pour voir à la fin tous les vices ensemble,
Le parterre en chorus a demandé l'auteur.¹⁾

Нѣкозоро наидузъ, что наше время сурово
развѣнчало Томарше. „Врядъ ли это закъ“, — говоритъ
Веселовскѣ²⁾; „мы золско разералисѣ съ однимъ изъ иде“,
алогнѣ, положимъ стѣ характерѣ, козоровѣ такъ

1) см. Théodore Muret, „L'histoire par le théâtre“, 1789-1851. P. 1765, p. 9.

2) Ср. его „Этюды и характеристички“. Москва, 1894.

много бывало в старой литературе и даже мало верить, гася в жизни, — но ближе узнали настоящие, т.е. вого человека, с бездонной слабостью и великими добротами, энергический характер, во многом искаженный его вьюком, но способный гордо слушать высшие цульды; наконец, неспертнакой родникой благородного снтьха, который пробивается сквозь весь преграда и обличает его с величайшими силами, смелости писателями.

Значение Бомарше в истории французской комедии весьма велико. Как Мольер признается зворичом комедии характеров, так Бомарше может быть назван гениальным предшественником комедии интриги. Не менее велико и общезвестное значение его двух комедий? едва ли не больше всякого деятеля революции, крикомой эпохи он содействовал распространению в массы народа новых взглядов на общезвестные, новые отношения, равенство сословий, гуманизацией, сурь суда и т.п.²⁾ Велесовский начинает свою статью о Бомарше.

„Участвовал в так званых эпических поэмах, подумки или старая легенда, и зворичом их идеяло. Отныне бодяся большого дня, царства зрезвой прозы и казюликой гласности; геродом не судено зме видеть свои под, вичи в позуилеской оправе гудецаго, современики и позомство зворича над ним судь, доискивает

1) „Свадьба Фигаро“ звилася вически с окарматками гасялами „Трилогии“ в ^{русск.} переводе А. Суданова в 1888 г.

2) Ср. и Н. М. Сорокинко. Очерки истории западно-европейской литературы. Москва, 1908.

зомных фактов и документов; воображение держитесь
 много правды. Но среди издранников все еще есть балов,
 ни судьбы, с козорики никак не хочется разорваться ле.
 гонда, сложившаяся гурт не на камнях глазах. Бонапарте
 не принадлежишь к кинь, — из числа ихъ. Когда отъ
 была молодъ, фонско что касало господство Энциклоне.
Дизма; суетворие и гнезущие призраки прошлого нуг.
 либо разлеались передъ парискомъ испещрующей кри.
 зики. Подъ старость отъ засталъ революционную пору,
 когда недоверие къ нему скорее располагало чинами,
 чѣмъ разукрашивало его заслуги. Въ палу борьба рода, отъ
 слогались легенды, но отъ уже не годился въ ихъ герои.
 И, несмотря на все это, на зло философскому скептицизмъ,
 му и сныившей его суровости Акодинсва, Эрозъ человакъ
 сумѣлъ заживо вызвать ^{неизбѣжно} заживую сѣнь баснословныхъ
 сказаний. И, несмотря на все последовавшія разобла.
 чения, для массы все еще живы и интересны преги.
 ний, сказочный Бонапарте.

И не мудрено. Эта вѣчно кипучая жизнь слишкомъ
 полна была чѣмъ привлекательнымъ герцъ, козороя
 сами проследя въ францускую подму. Все въ ней дви.
 жется, Зрѣлище, порою ^{необычайно} проносится ураганомъ; Этотъ
плебей борется съ францускими обществомъ и съ по.
гупими державами, освобождаетъ народы, руководитъ
судьбами Европы, изъ подмасуря превращается въ

Креза (Сгомо), изъ повелицеля въ Эмигранта, слово сво,
 его смыка свергаеъ закартолая злоупотребленій, обра,
сваеъ съ дороги прозвѣтчиковъ и кончаеъ энзимъ гуръ
не на пердакъ. Это настоящая сказка изъ „Пыслики и
Дной ноги“. Слово владыа замислаломъ, буръ вѣдъ
и нидъ, появляеъ и исчезаеъ, подобно Монукрисцо
выходитъ невредимымъ изъ опасностей, никогда не умираеъ
и смѣлѣе даже на порогахъ смерти, могъ только
или гениальный искаженъ приключеній, или великій
общесветный дѣлатель... Бомарше позарался закръ,
нигъ навсегда заманчивое представленіе о себѣ, какъ
о борцѣ и сражался. И зажилъ рисуетъ его себѣ
всякій, увлекаеъ горячими выходками его мемуа,
ровъ или монологами Фригаро, его энергическимъ
вѣтъмарецубомъ въ освобожденіе Америки и т.д. Проза,
поэзія и музыка помогли увѣковѣчитьъ и разукра,
сить его репутацию. Волгертъ писалъ: „Я никогда не
видалъ ничего сильнѣе, смѣлье, комичнѣе, итѣреснѣе,
нѣе, сокращающаго для прозвѣтника, чѣмъ мемуары
Бомарше. Они бѣжид заразеъ съ 10 или 12 брагалии
и подвергаеъ ихъ на землю съ факто эне легкоуеъ,
какъ въ фарсе арлеканъ-дикаре колозиръ оурадъ ко,
лицейскихъ“. Волгертъ сизалъ Бомарше своимъ
преемникомъ, и последнійя слова сѣрица при ихъ
свиданіи въ Пармѣи масли: „Теперь вся моя

надсона на басе: Английская оппозиция откровенно,
 но памфлета Бомарше, Observations sur le mémoire
justificatif de la cour de Londres удивлялась его му,
миссрву, и дьязели ея посамали ему по погтмь свои
 привъездивъ, надписавая погертнай, но опасный ад-
 ресъ: „Единсвѣтному свободному геловътку въ схранѣ
рабовъ, господному Бомарше.“

^{далше} Позоль Тѣзе, Моцартъ и Россини посродомо освѣт-
 маюць въ нашей памъри и образъ Бомарше, и его
мукии созданія. ^{Тѣзе въ своей миссрвѣ „Славидо“ вывелъ его на сцену.} Подъ французскій Моцартовскій ме-
 лодии и сверкающіе веселосудю и комизмовъ, по-
 южнскому болзливые репизажива Россиніевскаго. Ци-
 ролетника” лигмосъ зого, въ чей голубъ могло за-
 родиться сралоко стъльныхъ мыслей и забавныхъ мк,
пробизацій, озарилась саманъ симпатичнымъ свѣ-
томъ. Съ закими любимыми преданіями не легко
 разсраварся.

VI. О посодіидѣ.

Наибольше расположеній къ Бомарше изъ всѣхъ
Біографовъ Ломени. Его книга носиръ заглавіе: „Beau-
marquis et son temps, études sur la société en France au
XVIII siècle par L. de Loménie, 1856; переиздано въ 1858
и 1873. Не зародилась бы рабоха ззого даровираго и усерд-
наго изслѣдбавателя, еслиди наследники Бомарше не
 дали ему досудна въ забарній съ философскаго вѣка силандъ

1) Beaumarquis et la révolution; lettres et documents inédits,
publ. par L. Farge. Nouvelle Revue 1885, 1 décembre, p. 570.

всякого ненужного хлама, оставшаяся от хозяйства
позже, и если бы среди пыли и мусора не нашлось
множество связок с бумагами, пригрозившими са-
мому Бомарше для своего жизнеописания.

Архивы секретных канцелярий и государственной
полицейской всевозможных стран давали сведения во
изобилии; Арнез и Мерфрца нашли их в Австрии,
среди архивов; Бедделгейм — в подобных же краях,
лицах Лондона, Париза, Карлсруэ, Мадрида; Ан-
гильяк — в бумагах Бомарше, снова пересмотрен-
ных им после Ломени и давших обильную жат-
ву.

Ritter von Arneith написал, Beaumarchais und
Sonnenfels, Wien, 1868; сведения добудил Арнез, по-
пулярно известный Полемъ Тюо, Beaumarchais en Allemagne,
1869. Любопытные материалы были Арне-
зом и Мерфрца в книге „Marie Antoinette. Corre-
spondance secrète entre Marie-Thérèse et le comte Mercy-
Argenteau, 1874.

„Beaumarchais, eine Biographie von Anton Bettel-
heim“, Frankfurt. 1886.

„Beaumarchais et ses oeuvres“, p. 2. Lintilhac, 1887.

Первые биографы Бомарше были восторжен-
ней его поклонники, Тюо, разо впадший в зор-
качества. Его труды издали впервые в полномъ

видеть по рукописям Морисомъ Плуриэ въ 1888 г.: "Histoire de Beaumarchais par Judin de la Brenellerie".

После изданія своей уже упомянутой книги „Beaumarchais et ses oeuvres“ Лэнгуильдоу продолжалъ находить въ бумагахъ Бомарше важныя новости; см. его статью „Beaumarchais inédit“, Revue des deux Mondes 1897, 1 mars.

Александръ Веселовскій въ своей ослительной статье о Бомарше говоритъ: „Ореолъ сдѣлаъ блѣднѣе; недобѣрие, его смѣшившее, готово перейти въ противоположную крайность. Сказочная пещера этой эксцентрической жизни осломилась новыми рѣзкими прозуборотидями; великое перемѣнилось съ мелочнымъ, самоозверженіе — съ этою, измѣнѣ, любовью къ свободѣ — съ искуснымъ выполненіемъ работы тайнаго агента. Тамъ, гдѣ такъ долго красовался эффектный образъ подвижника, открылась жуткая психологическая загадка. Зналъ ли самъ Бомарше тайну ея, могъ ли онъ даже ключъ къ ней? Одизеловъ, чешская слабость ^{извѣстна, а не Плуриэ} выгораживаеъ себя. Бросая фронтъ на чужую, кто насъ не поймѣлъ, кто насъ поимѣшалъ, — Бѣла ему свойственна въ сильной степени, но и онъ въ своей статье задавалъ себѣ вопросъ: „гдѣ же онъ былъ въ самомъ дѣлѣ?“ (qu'étais je donc?). Неискусственная вѣра въ свою правоту помогла ему, сводя счесть съ жизнью, дать себѣ похвальный отзывъ? . . .

При разсматриваніи сизии Бомарше раскрывается
райна двойственного существованія. Обыкновенно люди
мысли и поэты любят приписывать себѣ именно такое
раздробленіе, дробленіе на два существа, разнородныя,
вѣдно анализирующія другъ друга. И изъ портретовъ,
сбереженныхъ на гербы Бомарше, возно два человѣка
глядѣть на насъ. Въ снимкѣ, приложенномъ къ
первому полному изданію его, Менуаровъ прозвѣ
Тэциана, изображенъ придворный кавалеръ, нарядно
одѣтый, завязой, съ кошмачкомъ изъ ленъ, кокетливо
скрывающій косынку; не вырисуя, что за колечная
вышность, озаренная лобзною улыбкою и вадаю,
лицъ золото смысленнымъ взоромъ божкое сдѣла-
ють, — принадлежала дворянъ Фрэнгаро. Совѣтъ иное
лицо на превосходномъ портретѣ, который воспро-
изводится въ болѣшинствѣ изданій Бомарше: не,
бросило набросана осида, рубанка выдмаетъ,
борозъ широко распахнуть; слѣтъ и открыть взоръ;
длинные, вѣющіеся волосы, кашкетъ не сдержан-
ные, отряхнули назадъ съ высокаго лоба, какъ будто
мы заспали врасплохъ этого срасснаго человѣка,
въ минуту, когда онъ головъ былъ бросился въ оз-
важное предпріятіе. Это онъ, находящій Бомарше!
И невольно захотѣлъ узнать французическую, блескъ,
лицу, сущностную исчорію этого человѣка.

Наконец, хотя кражкя, однако очень интересная сводка у проф. Г. И. Сороженко. См. его, Степень евро-рин западноевропейской литературы. Москва, 1908.

Графь Мирабо.

Графь Мирабо (Henri Riquetti le comte Mirabeau) изъ Дюса (Аix) въ Провансе (1749-1791), после бурной, сраженьи наполненной и непорочной - сорванной молодости, оказался самым мощным педобольным бойцом и позже коущезвенным, шимь, непреодолимым орафромъ революци. Какъ писатель отъ обнаружилъ мощь своего ума въ разлннѣйшихъ областях. Въ политическомъ произведеніи „Мое обращение“ - фривольный и циническій; въ „Письмахъ къ Софрїи“ - полной глубокой палачей сражи и поэтическаго по-ліза; въ многочисленныхъ письмахъ ^{написанныхъ} во время путешествій, въ политическіяхъ и социальных брошюрахъ съ остротами и кипучей злобой и огорченіемъ борется отъ прозвѣ ушасныхъ положеній - сородной срагаго ^{порядка} режима (ancien régime). „Солонь и зряньсѣ и смолъ замержо-валь отъ вездѣ, но огонь давалъ отъ изъ своей содубенной силы и способости.“ (См. Carlyle, „Французская революція“).

1240